

Я никогда не видела своего папу. В июне 1941 года он ушёл на фронт и не вернулся, а я только успела родиться. Долгое время папы не было в моём сознании, а потому и в моей жизни. И, странное дело, не возникало никаких вопросов к маме. Однажды в школе был вечер (я училась в средней школе села Любавичи Смоленской области), собираюсь на «бал». Бал в кавычках, потому что в течение десятилетия после войны всё село, не только мама с пятью детьми, пребывало в великой бедности. Я собираюсь, а мама вдруг говорит:

— Сегодня 10 декабря. В этот день папа погиб. Так написано в извещении. Грешно в такой день веселиться.

«Папа» — это слово вошло в моё сознание, но тут же и пропало. И я отпрашивалась в школу, ни разу не вспомнив об отце. Душа моя оставалась в глубоком «беспапье». Одна лишь случайно уцелевшая во время войны папина фотография напоминала нам, многочисленным его потомкам, что папа БЫЛ! Когда на телеэкране я впервые увидела Николая Баскова, я поразились — он очень напоминал папу, запечатлённого на фотографии.

Раз очам моим явился юный Басков.

Взглянула — оторопь взяла, то — папа мой!

Пшеничная копна волос, овал лица и губы...

В душе моей смятенье: вой иль песни пой!

Старшая сестра твердит: «Ты всё забыла»,
В моём сознание, в сердце — чехарда!
Снова пред экраном я застыла:
«Коля Басков, папа, пой всегда!»

Было это в декабре 2004 года.

И вдруг в 2008 году мы находим в интернете, что наш папа, Кукринов Владимир Степанович, умер в немецком концлагере «Шталаг VIIIС». На информационном листе был проставлен отпечаток указательного пальца папы, узенькая полосочка в 1 см. шириною. Когда я приложила свой палец к отпечатку, мой палец оказался в два раза толще папиного. А вес мой всего 56 кг. Таким худым был папа. От осознания этого в моей психике что-то треснуло, надломилось. Я заболела, заболела от счастья, что обрела папу, соприкоснувшись с ним пальцами, и от горя, что он замучен и его уже нет, что я, обретя папу, тут же его и потеряла навсегда!

ВСТРЕЧА ДУШ

Ворвался ты и СТАЛ в моей душе, в сознание.
Шестьдесят восемь лет жила я без тебя...
Не просто мне далось, что я твоё создание,
Как обоюдоострый меч, вонзился ты в меня!
Увидела на файле я твой отпечаток пальца,
Звон и смятение ударили в набат!
Смотрели на меня — нет, не глаза страдальца —
Родное милое лицо: дай детям жизнь моим, Матэр Стабат!

Горючая слеза тоски и счастья,
Как пламень, обжигает сердце и глаза.
Я родилась, я чувствую, что есть мой папа,
О, папа мой! Отныне мы с тобою навсегда!

Снега почти нет, за окном 4 градуса мороза.

Недели через две, выйдя из психологического «ступора», по горячим следам этого осознания, ещё чётко не понимая, что к чему, я приняла решение — ехать на могилу к папе. Это чувство, это желание, даже потребность, как

смерч, ворвалось в мою душу, шестьдесят восемь лет пребывавшую в девственном сиротстве. Позвонила всем сёстрам и брату (нас у мамы было пятеро), сообщив, что едем к папе на место его смерти. Однако долго потом пришлось искать возможность осуществить эту поездку. Министерство обороны России, «Красный крест» Польши (сегодня место концлагеря на территории Польши) весь 2008 год присылали ответ, что бесплатную визу в Польшу они дать мне не в состоянии. Позже выяснилось, что эта виза стоит 45 евро. Подумать только, из-за 2000 рублей не могла встретиться с папой целый год!

Выбросив из головы «бесплатную визу», мы со старшей сестрой выкупили индивидуальный тур в Польшу и поехали на встречу с папой! С собой везли рамку 30x40 см. с единственной папиной фотографией, где написали папе, можно сказать, письмо:

Кукринов Владимир Степанович (1905–1941)

Дорогой наш папочка!

Твоя жена Ульяна и все пятеро детей выжили во время войны, выросли, научились. Сегодня у тебя 10 внуков, 14 правнуков, 3 праправнука.

К тебе на могилу приехали Тася и Инна. Танечка умерла. Миша и Вася приехать не могут по состоянию здоровья.

Папочка, мы счастливы, что нашли тебя! Спи спокойно! Земля тебе пухом и Рай светлый!

Москва – Жагань, май 2009.

Концентрационный лагерь «Шталаг VIIIС»¹ был создан фашистами во время войны на территории промышленной Силезии в Германии с таким расчётом, чтобы обеспечить производство военной техники бесплатной рабочей силой будущих узников лагеря. Голодные, измученные непосильным трудом военнопленные всех национальностей быстро превращались в доходяг, не способных далее работать. Папа был пленён 30 июля 1941 года под Рославлем в Смоленской области, а уже 3 декабря, спустя 4 месяца, папу как доходягу перевели в лагерь «Жагань» (несколько километров от Шталага), где и умер 10 декабря 1941 года.

¹ Данные о концентрационном лагере «Шталаг VIIIС» получены в музее «Шталаг VIII», расположенном в поселке Жагань (Польша).

Главной комиссией по расследованию гитлеровских преступлений в Польше установлено, что на территории Шталага VIIIС и его многочисленных филиалов в Силезии захоронено 12000 безымянных узников разных национальностей. Среди них 739 советских военнопленных. Один из них — наш папа.

Советским и Польским правительствами (тогда между ними был консенсус) было решено увековечить память погибших военнопленных возведением памятника-обелиска с оформлением 17 безымянных могил замученных гитлеровцами узников, что и было сделано в 1964 году.

Много цветов возложили мы с сестрой к обелиску. Прикоснулись руками к узким и длинным могилам. Вознесли молитву — хвалу Господу, пославшему нам встречу с папой, давшему средства и силы приехать к нему в Жагань. Обслуживающий нас шофёр-гид часто, не скрывая, высказывал своё неприятие политики Сталина в отношении Польши во время войны. И Россию сегодня он тоже не приемлет. Показывал, что работает с нами только из-за денег. В музее и по местам захоронений нас сопровождала директор музея Тэрэза Шщыкно (ох, фамилия, написать можно, произнести непросто). От неё, в отличие от шофёра, исходило тепло и понимание психологического состояния людей, приехавших к отцу, которого не «видели» шестьдесят семь лет! Тэрэза в нашем присутствии с мастерами музея определила видное и удобное место в композиции одного из залов музея для привезённой нами рамки с фотографией папы. В знак признательности и благодарности за чуткое сердце мы оставили Тэрэзе некую сумму в качестве благотворительности.

Отголоски ВОВ всё дают и дают о себе знать. На майские праздники 2014 года я оказалась в Эстонии, в Таллинне. Однажды очередному эстонскому президенту не понравился памятник советскому солдату в центре города. Под покровом ночи, тайно, чтобы не будоражить русскоязычное население, составляющее 50% жителей города, памятник перенесли на окраину города, на погост, где слева захоронены нацисты, справа — советские воины. Между ними определили место памятнику.